

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 276

31 октября 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката Т., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Кр., Кв. от 17 мая 2024 года (вх. № ...) и по жалобам БФ. в лице директора В. от 13 августа 2024 года (вх. № ...) и от 29 августа 2024 года (вх. № ...) в отношении адвоката Т. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 11 сентября 2024 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. своих профессиональных обязанностей перед доверителем БФ. (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением), выразившемся в том, что:

приняв не позднее 13 сентября 2023 года на основании устной договоренности с представителями БФ. поручение на осуществление защиты Кр. в судах первой и апелляционной инстанций по уголовному делу № ... (...) в отношении О. и Кр., находящемуся в производстве ... городского суда ..., адвокат Т. 20 октября 2023 года вступил в данное уголовное дело и осуществлял защиту Кр. без заключения письменного соглашения об оказании юридической помощи вплоть фактического прекращения ее осуществления 18 апреля 2024 года;

получив от доверителя БФ. вознаграждение в размере 198 408 рублей за осуществление защиты Кр. в судах первой и апелляционной инстанций по уголовному делу № ... (...) в отношении О. и Кр., находящемуся в производстве ... городского суда ..., в форме совершения 26 сентября 2023 года в интересах адвоката Т. обязательного отчисления за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы, адвокат Т. не внес полученное им вознаграждение в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовый документ по проведению операций с его денежными средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 6 п. 4 ст. 6, пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 2 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства ..., следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 5, 8, 9, 10, 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, адвокатом Т. своих профессиональных обязанностей перед доверителями БФ. и Кр., выразившемся в том, что приняв не позднее 13 сентября 2023 года поручение на осуществление защиты Кр. в судах первой и апелляционной инстанций по уголовному делу № ... (...) в отношении О. и Кр., находящемуся в производстве ... городского суда ..., адвокат Т.:

самоустранился от осуществления защиты подсудимого Кр. в судебных заседаниях ... городского суда ... по уголовному делу № ..., состоявшихся 05 марта 2024 года, 21 марта 2024 года, 25 марта 2024 года, 01 апреля 2024 года;

с 18 апреля 2024 года отказался от принятой на себя защиты подсудимого Кр. по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве ... городского суда ..., под предлогом расторжения адвокатом Т. в одностороннем порядке соглашения об оказании юридической помощи, заключенного между адвокатом Т. и БФ. на защиту Кр. в уголовном судопроизводстве;

3) о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по жалобе Кр., Кв. от 17 мая 2024 года (вх. № ...), по жалобе БФ. от 13 августа 2024 года (вх. № ...) и по жалобе БФ. от 29 августа 2024 года (вх. № ...), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства:

в части доводов заявителя Кв.;

в части доводов БФ. об оказании адвокатом Т. неквалифицированной юридической помощи Кр.

Заявитель Кр. содержится под стражей в ... СИЗО ... УФСИН России по Заявители Кв. и БФ., представитель заявителей Кр. Кв., БФ. – адвокат Ч., надлежащим образом уведомленные о дне, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства и своевременно получившие заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились, подали письменное заявление о полном согласии с заключением Комиссии и просили применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката (вх. № ...).

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие заявителей и их представителя, поскольку они своевременно получили заключение Квалификационной комиссии, ознакомились с ним, выразили свою позицию, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Адвокат Т. в заседании Совета сообщил, что получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами Комиссии согласен. Отвечая на вопросы членов Совета, дополнительно сообщил, что он недавно стал членом Адвокатской палаты города Москвы, переехав из г. ..., вел себя неосмотрительно в части оформления документов и выстраивания отношения с доверителями. За 23 года адвокатской деятельности он ни разу не привлекался к дисциплинарной ответственности, а также добивался вынесения оправдательных приговоров. Полагает, что его действия не причинили вреда Кр., поскольку последний не остался без защиты. Его права и интересы защищал другой адвокат – Ч. Он же изначально не хотел вступать в это уголовное дело в качестве защитника и принимать участие в волоките. В связи с этим считает, что отсутствуют основания для применения в отношении него меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Просит Совет отнестись к нему снисходительно.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Т., Совет соглашается с выводами Квалификационной

комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных фактических обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 10 октября 2023 года в ... городской суд ... поступило уголовное дело в отношении О., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 210 УК РФ, а также четырех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, и Кр., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ и ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ.

20 октября 2023 года по вышеуказанному уголовному делу проведено предварительное слушание, в которое явился адвокат Т., заявивший письменное ходатайство о «допуске» в качестве защитника Кр. В обоснование этого ходатайства адвокат Т. указал, что 13 сентября 2023 года им было заключено «соглашение на представление интересов Кр. в суде первой и апелляционной инстанций в качестве его защитника». В тот же день обвиняемый Кр. заявил письменное ходатайство о допуске адвоката Т. к участию в уголовном деле в качестве его защитника.

В подтверждение принятия поручения на осуществление защиты Кр. адвокат Т. представил ордер от 13 сентября 2023 года № ..., выданный ему ... коллегией адвокатов на осуществление защиты Кр. с 13 сентября 2023 года в судах первой и апелляционной инстанций. Основание выдачи данного ордера адвокатом Т. в ордере не было указано, однако в его корешке, представленном в материалы дисциплинарного производства ... коллегией адвокатов, в качестве основания выдачи ордера указано: «Согл. с БФ.». На выдачу указанного ордера на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного между адвокатом Т. и БФ., указано также в письме председателя ... коллегии адвокатов Б., полученном в ответ на запрос Адвокатской палаты города Москвы. Вместе с тем, как из указанного письма, так и из письма председателя ... Ч. от 29 августа 2024 года следует, что соглашение об оказании юридической помощи, заключенное между адвокатом Т. и БФ., не было зарегистрировано ни в документации ... коллегии адвокатов, членом которой адвокат Т. являлся на дату оформления вышеуказанного ордера, ни в документации ..., в которой указанный адвокат осуществлял адвокатскую деятельность с 22 ноября 2023 года по 24 июля 2024 года. Согласно устным объяснениям адвоката Т., соглашение об оказании юридической помощи от 13 сентября 2023 года, предусматривающее оказание юридической помощи Кр., было им изготовлено и передано для подписания доверителю – БФ. в двух экземплярах, и впоследствии ему не было возвращено.

20 февраля 2024 года адвокат Т. сообщил в судебном заседании, что защитник Ч. сломал ногу и готовится к операции. При обсуждении вопроса о продолжении судебного разбирательства в отсутствие защитника – адвоката Ч. подсудимый Кр. просил об отложении судебного разбирательства. Указанное заявление поддержал адвокат Т., заявив следующее: *«В силу того, что я не участвовал на стадии предварительного следствия, а участвовал мой коллега Ч., они выработали способ защиты, свою правовую позицию. Я*

только вступил в это судебное дело на стадии судебного разбирательства. Полагаю, что мой коллега, который уже более года ведет это дело, с ним более-менее тесная связь имеется, выставлена [Так указано в выписке из протокола судебного заседания – Примечание Совета] правовая позиция, о которой я не знаю и не догадываюсь, поэтому я поддерживаю своего подзащитного в том, чтобы слушание дела отложить». Председательствующий постановил продолжить судебное заседание в отсутствие защитника Ч. ввиду того, что квалифицированной юридической помощью Кр. обеспечен, поскольку один из его защитников участвует в судебном заседании. Впоследствии адвокатом Т. заявлено ходатайство о допуске в качестве защитника подсудимого Кр. наряду с адвокатом иного лица – Р., которое было удовлетворено. В том же судебном заседании с его участниками, включая адвоката Т., судом было согласовано проведение судебного заседания, в том числе в следующие даты: 21 февраля, 05, 21, 25 марта, 01 апреля 2024 года.

В дальнейшем адвокат Т. в качестве защитника Кр. принял участие в судебном заседании 21 февраля 2024 года.

Согласно выпискам из протокола судебного заседания от 05, 21 и 25 марта, 01 и 19 апреля 2024 года, адвокат Т. в судебное заседание не явился, доказательств уважительности причин своих неявок не представил.

18 апреля 2024 года адвокат Т. подал в суд по электронной почте ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела его уведомления об отказе от исполнения соглашения возмездного оказания юридических услуг по защите Кр., а также о рассмотрении данного ходатайства в суде 19 апреля 2024 года без его участия «в силу объявленного штормового предупреждения по Москве и Центральной России».

К указанному ходатайству были приложены копии следующих документов:

– уведомление адвоката Т. от 09 апреля 2024 года об отказе от исполнения соглашения возмездного оказания юридических услуг, адресованное директору БФ. В., в котором было указано: *«13 сентября 2023 года между мной адвокатом ... коллегии адвокатов, именуемым в дальнейшем «Исполнитель» и БФ., именуемым в дальнейшем «Заказчик», было составлено соглашение и выписан ордер на представление интересов подсудимого Кр. в суде в качестве его защитника. В соответствии с нормами ГК РФ, настоящим, уведомляю Вас о том, что адвокат Т. в одностороннем порядке расторгает вышеуказанное соглашение. Адвокат Т., состоящий в реестре Адвокатской палаты г. Москвы, просит считать указанное выше соглашение возмездного оказания юридических услуг от 13 сентября 2023 года расторгнутым с даты получения настоящего уведомления»;*

– письмо и.о. начальника государственной жилищной инспекции ... Д. от 18 апреля 2024 года № ..., согласно которому «9-балльный шторм ожидается в Москве и Центральной России».

В судебном заседании 19 апреля 2024 года председательствующий довел до сведения участников судебного заседания, что *«согласно полученным накануне сведениям от адвоката Т., соглашение по защите адвокатом Т. Кр. расторгнуто в одностороннем порядке»*, при этом адвокат Т. не может явиться в судебное заседание *«из-за штормового предупреждения по Московской области и ряду других областей»*. В связи с неявкой в судебное заседание защитников Кр. по соглашению – адвокатов Ч. и Т. подсудимому Кр. в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, судом был назначен защитник – адвокат С. В этот же день с участием защитника Кр. – адвоката С. в порядке, установленном ст. 255 УПК РФ, срок содержания подсудимых О. и Кр. под стражей продлен судом на три месяца. Апелляционную жалобу на это постановление суда защитник Кр. – адвокат Т. не подавал.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в оказании адвокатом Т. юридической помощи Кр. в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в письменной форме, Совет, основываясь на полном и правильном правовом обосновании, изложенном в заключении Квалификационной комиссии, приходит к выводу о том, что профессионально-этические предписания в части формализации отношений адвоката с доверителем были грубо нарушены адвокатом Т. Последний признал отсутствие у него письменного соглашения об оказании юридической помощи. Как указано выше, данное соглашение не было представлено в материалы дисциплинарного производства, оно также не было зарегистрировано и отсутствует в документации ... коллегии адвокатов, в которой адвокат Т. осуществлял адвокатскую деятельность на момент оформления ордера от 13 сентября 2023 года на защиту Кр. Не были адвокатом Т. приняты меры к устранению данного нарушения и после перехода в Адвокатскую палату города Москвы и учреждения ..., в документации которой данное соглашение также не зарегистрировано и не хранится. Эти обстоятельства подтверждаются письмами председателя ... коллегии адвокатов Б. (вх. № ...) и председателя ... Ч. от 29 августа 2024 года, полученными в ответ на запросы Адвокатской палаты города Москвы.

Довод адвоката Т. о том, что соглашение об оказании юридической помощи Кр. было им фактически составлено и передано в двух экземплярах в БФ. для подписания, однако впоследствии ему не возвращено, не подтвержден какими-либо доказательствами и не меняет оценки его профессионального поведения, поскольку адвокат во всех случаях обязан принять исчерпывающие меры для надлежащей формализации отношений с доверителем.

Как неоднократно указывали дисциплинарные органы адвокатского самоуправления города Москвы, в отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи все разногласия, сомнения и противоречия трактуются в пользу доверителя, а ответственность как за ненадлежащее оформление отношений с доверителем, так и за оказание ему квалифицированной юридической помощи лежит на адвокате как на

профессиональном участнике этих правоотношений. Таким образом, Совет признает установленным, что адвокат Т. вступил 20 октября 2023 года в уголовное дело в качестве защитника Кр. и осуществлял его защиту в суде до 18 апреля 2024 года в отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи.

Вместе с тем, Совет отмечает, что 22 сентября 2023 года советом БФ. принято решение о выделении материальной помощи в размере 500 000 рублей на оплату юридических услуг адвоката Т. с возложением на последнего обязанности передать Кр. и Кв. под подпись копии заключенного с БФ. соглашения об оказании юридической помощи Кр., а также финансовых документов за полученные денежные средства. Указанные сведения подтверждают непосредственное вступление БФ. в правоотношения с адвокатом Т. по оказанию последним юридической помощи Кр. Кроме того, все существенные условия, связанные с защитой подсудимого Кр. в ... городском суде ..., были заблаговременно согласованы между указанным БФ. и адвокатом Т. до принятия советом БФ. решения о выделении денежных средств и передачи их адвокату Т. Последний также признал наличие у него договоренности с БФ. об оказании юридической помощи Кр., а в своих упомянутых выше ходатайстве в суд и уведомлении директора БФ. В. прямо указал как о заключении, так и о последующем расторжении им в одностороннем порядке соглашения об оказании юридической помощи («соглашения возмездного оказания юридических услуг»), заключенного с БФ. на защиту Кр. Учитывая, что на выдачу адвокату Т. ордера от 13 сентября 2023 года «по соглашению» с БФ. указано в письме председателя ... коллегии адвокатов Б., Совет приходит к выводу о том, что информация о заключении соглашения об оказании юридической помощи с БФ. адвокатом Т. была известна также и указанному адвокатскому образованию.

При таких обстоятельствах Совет признает установленным, что между адвокатом Т. и Р., действующей от имени БФ., была достигнута устная договоренность об осуществлении защиты Кр. «в судах первой и апелляционной инстанций». Приступив к осуществлению защиты Кр. в отсутствие письменного соглашения об оказании юридической помощи, адвокат Т. как лицо, на котором лежала обязанность по надлежащей формализации правоотношений по оказанию юридической помощи, не исполнил профессиональные обязанности перед доверителем – БФ. надлежащим образом.

Доводы адвоката Т. о том, что незаключение письменного соглашения об оказании юридической помощи Кр. с БФ. было связано с наличием у него доверительных отношений с сотрудниками указанного БФ., со сменой директора указанного БФ. с 17 октября 2023 года, а также с изменением им членства в Адвокатской палате ... на членство в Адвокатской палате города Москвы в сентябре 2023 года, не влияют на оценку его профессионального поведения, поскольку им не представлены какие-либо доказательства принятия мер к надлежащей формализации его отношений с БФ. вплоть до 18 апреля 2024 года, когда он уведомил суд о своем отказе от защиты Кр. При

этом риски негативных последствий отступления от профессионально-этических предписаний, включая невозможность или затруднительность дальнейшей формализации отношений с доверителем, по общему правилу несет адвокат, допустивший такие отступления.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем – БФ., выразившемся во вступлении при описанных обстоятельствах в уголовное дело в качестве защитника Кр. и осуществлении его защиты без заключения письменного соглашения об оказании юридической помощи вплоть до фактического прекращения ее осуществления 18 апреля 2024 года.

Рассматривая группу дисциплинарных обвинений в неоприходовании денежных средств, полученных в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи Кв., Совет отмечает, что согласно выписке из протокола внеочередного заседания совета БФ. от 22 сентября 2023 года, в указанном заседании было принято решение о выделении из средств БФ. материальной помощи в размере 500 000 рублей «на оплату юридических услуг адвоката Т. по защите Кр.», а также 150 000 рублей «на оплату транспортных расходов адвоката Т., связанных с оказанием юридической помощи Кр.».

Согласно доводам адвоката Т., в период принятия поручения на оказание юридической помощи Кр. он осуществлял переход из Адвокатской палаты ... в Адвокатскую палату города Москвы, в связи с чем обратился к Р. с просьбой о выплате ему вознаграждения за оказание юридической помощи Кр. путем уплаты БФ. за него обязательного отчисления за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы в размере 198 408 рублей. Фактически выплата указанного обязательного отчисления за адвоката Т. была 26 сентября 2023 года произведена ..., действовавшим на основании доверенности, выданной БФ. Совершение указанного платежа в его интересах в качестве вознаграждения за оказание юридической помощи Кр. адвокат Т. подтвердил в ходе дисциплинарного разбирательства.

Вместе с тем, согласование адвокатом с доверителем конкретного способа получения вознаграждения за оказание юридической помощи не освобождает адвоката от исполнения универсальных предписаний п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Адвокат Т. был обязан в период действия соглашения об оказании юридической помощи внести в кассу либо на расчетный счет адвокатского образования сумму фактически выплаченного в его интересах вознаграждения, а также выдать доверителю финансовый документ по проведению операции с его денежными средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Далее Совет отмечает, что в результате дисциплинарного разбирательства не было получено доказательств выплаты адвокату Т. БФ., в том числе и через Кв., какого-либо вознаграждения помимо 198 408 рублей, уплаченных в интересах адвоката Т. в качестве обязательного отчисления за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы. В заключении Квалификационной комиссии приведен подробный анализ совокупности обстоятельств, подтверждающий этот вывод, с которым Совет также соглашается.

Денежные средства в сумме 150 000 рублей, полученные адвокатом Т. тремя платежами в период с 12 октября 2023 года по 28 января 2024 года на счет банковской карты его дочери – ..., были выплачены ему не в качестве вознаграждения, а в качестве компенсации расходов, связанных с оказанием юридической помощи.

В связи с этим Совет признает установленным факт получения адвокатом Т. вознаграждения за оказание юридической помощи Кр. только в размере 198 408 рублей.

Согласно письмам председателя ... коллегии адвокатов Б. без даты и председателя ... Ч. от 29 августа 2024 года, денежные средства в связи с оказанием адвокатом Т. юридической помощи Кр. в кассу либо на расчетный счет указанных адвокатских образований не поступали.

Таким образом, предусмотренную п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязанность по оприходованию вознаграждения в размере 198 408 рублей адвокат Т. не исполнил. Кроме того, Совет отмечает, что эта обязанность адвоката распространяется также и на оприходование денежных средств, выплаченных в качестве компенсации расходов, связанных с исполнением поручения.

Дисциплинарные органы Адвокатской палаты города Москвы ранее уже неоднократно давали оценку фактам невнесения адвокатом в кассу или на расчетный счет адвокатского образования денежных средств, полученных от доверителя, а также невыдачи доверителю документов по проведению операции с его средствами. Так, в Обзоре дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, а также в Обзоре дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за первое полугодие 2022 года по вопросам, связанным с исполнением адвокатом профессиональных обязанностей, указано следующее. Предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования. При этом действия и бездействие адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдаче доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителем – БФ., выразившемся в том, что, получив от него вознаграждение в размере 198 408 рублей за осуществление защиты Кр. в форме совершения 26 сентября 2023 года в интересах адвоката Т. обязательного отчисления за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы, адвокат Т. не внес полученное вознаграждение в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовых документов по проведению операций с его денежными средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Переходя к рассмотрению дисциплинарного обвинения в самоустранении адвоката Т. от осуществления защиты Кр. с марта 2024 года, а также в последующем его отказе от принятой на себя защиты Кр., Совет принимает во внимание установленные и описанные выше обстоятельства вступления адвоката Т. в уголовное дело в отношении О. и Кр. в качестве защитника Кр., а также выражения Кр. в письменной форме 20 октября 2023 года волеизъявления на осуществление его защиты адвокатом Т. Таким образом, адвокат Т. принял поручение на осуществление защиты Кр. в уголовном судопроизводстве, а потому на него в полной мере распространялись как общие предписания пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, пп. 1, 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и запрет на отказ от принятой на себя защиты, установленный пп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката и ч. 7 ст. 49 УПК РФ.

Вне зависимости от установленных в результате дисциплинарного разбирательства нарушений требований о надлежащей формализации правоотношений по оказанию юридической помощи, адвокат Т., приняв с согласия Кр. его защиту, был обязан обеспечить неукоснительное соблюдение как вышеуказанных норм, так и требований Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (далее – Стандарт), содержащего минимальные требования к профессиональной деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу.

В частности, указанный Стандарт предусматривает, что адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат, в том числе, «принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться» (пп. «а» п. 5 Стандарта). Пункт 8 Стандарта предписывает, что в процессе осуществления защиты адвокат: консультирует подзащитного и разъясняет ему процессуальные права и обязанности, применяемые по делу нормы материального и процессуального права (пп. «а» п. 8 Стандарта); оказывает подзащитному помощь в ознакомлении с материалами дела, в написании ходатайств, жалоб и иных процессуальных документов или готовит их самостоятельно (пп. «б» п. 8 Стандарта); использует иные средства и способы защиты, не запрещенные законодательством (пп. «в» п. 8 Стандарта). Согласно п. 9 Стандарта адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного. Пункт 10 Стандарта предусматривает, что защитник участвует в следственных и процессуальных действиях, проводимых с участием подзащитного либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника, а также в судебных заседаниях по уголовному делу, за исключением случаев, когда такое участие не является обязательным в силу закона и отсутствия просьбы подзащитного. Защитник должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания. Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. При этом согласно п. 17 Стандарта адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты и участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, с момента вступления 20 октября 2023 года в уголовное дело в качестве защитника Кр. адвокат Т. принял участие в предварительном слушании 20

октября 2023 года, а также в трех последующих судебных заседаниях – 11 декабря 2023 года, 20 и 21 февраля 2024 года, после чего перестал являться в судебное заседание, несмотря на согласование с ним судом дат судебного заседания.

Заблаговременное уведомление адвоката Т. о датах судебных заседаний по уголовному делу подтверждается выпиской из протокола судебного заседания от 20 февраля 2024 года, согласно которой в указанном судебном заседании с участием адвоката Т. судом было согласовано проведение судебных заседаний, в том числе, 05, 21 и 25 марта, 01 апреля 2024 года. Однако согласно выпискам из протокола судебного заседания в эти дни адвокат Т. в судебное заседание не явился, не представив доказательств уважительности причин своих неявок ни суду, ни в материалы дисциплинарного производства. Адвокат Т. объяснил такое поведение требованиями защитников Кр. – Р. и адвоката Ч. о затягивании судебного разбирательства вплоть до момента выздоровления адвоката Ч., находившегося на стационарном лечении. Совет также учитывает, что согласно вышеуказанным выпискам из протокола судебного заседания подсудимый Кр. последовательно возражал против рассмотрения уголовного дела в отсутствие его защитника Ч. Однако ни указанная позиция подсудимого, ни предполагаемые требования других его защитников ни в коей мере не освобождали адвоката Т. от обязанности являться в судебные заседания для осуществления защиты Кр., особенно принимая во внимание, что согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ, в условиях неявки приглашенных Кр. защитников суд был вправе предложить Кр. пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению ему защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

Приведенные выше доводы адвоката Т. в поддержку позиции его подзащитного Кр. о невозможности продолжения судебного заседания в отсутствие адвоката Ч., содержащиеся в протоколе судебного заседания от 20 февраля 2024 года, лишь подчеркивают его стремление к уклонению от надлежащего исполнения профессиональных обязанностей защитника. Так, в обоснование указанной позиции адвокат Т. заявил суду, что он «не участвовал на стадии предварительного следствия», тогда как подсудимый Кр. и осуществлявший его защиту со стадии предварительного расследования адвокат Ч. «выработали способ защиты, свою правовую позицию», о которой адвокат Т. «не знает и не догадывается». Более того, адвокат Т. фактически подтвердил, что вступил в уголовное дело в качестве защитника Кр. как «свадебный генерал», поскольку «всю стратегию и тактику своей защиты Кр. определял с адвокатом Ч.».

Таким образом, вместо незамедлительного согласования со своим доверителем позиции по делу, как это предписано вышеприведенными обязательными профессионально-этическими требованиями, адвокат Т. с 21 февраля 2024 года фактически самоустранился от осуществления защиты Кр.

и участия в судебных заседаниях под явно надуманным и противоречащим профессионально-этическим требованиям предложением.

Отдельную оценку Совет считает необходимым дать обстоятельствам неявки адвоката Т. в судебное заседание 19 апреля 2024 года после представления в суд 18 апреля 2024 года по электронной почте описанного выше ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела его уведомления об отказе от исполнения соглашения возмездного оказания юридических услуг, а также о рассмотрении данного ходатайства в суде 19 апреля 2024 года без его участия «в силу объявленного штормового предупреждения по Москве и Центральной России». Указанное ходатайство он рассматривает как ходатайство об освобождении от осуществления защиты Кр. При этом с момента подачи указанного ходатайства адвокат Т. осуществление защиты Кр. прекратил.

Между тем, в материалах дисциплинарного производства отсутствуют (в том числе не поступили из суда в ответ на соответствующий запрос Адвокатской палаты города Москвы) как заявление Кр. об отказе от защитника Т., так и процессуальное решение об освобождении адвоката Т. от осуществления защиты Кр. Согласно выписке из протокола судебного заседания от 19 апреля 2024 года, после доведения судом до участников судебного разбирательства сведений о поступлении в суд от адвоката Т. вышеуказанного ходатайства, защитник Кр. – Р. сообщила: *«Расторжения не было. Я общалась вчера с директором БФ. Обязательства по защите Кр. остались»*.

Совет отмечает, что приложенное к вышеуказанному ходатайству адвоката Т. его уведомление директора БФ. В. от 09 апреля 2024 года об отказе от исполнения соглашения возмездного оказания юридических услуг не содержит ссылок на неисполнение БФ. обязательств перед адвокатом Т., равно как и сведений о каких-либо иных причинах принятия адвокатом Т. решения о расторжении соглашения об оказании юридической помощи, а сводится лишь к констатации факта расторжения соглашения об оказании юридической помощи адвокатом Т. в одностороннем порядке по своей инициативе. При этом, как указано выше, адвокат Т. вступил в уголовное дело на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в устной форме с БФ. в пользу Кр. Последний 20 октября 2023 года письменно выразил согласие на осуществление его защиты адвокатом Т., который к оказанию юридической помощи приступил.

В соответствии с п. 1 ст. 430 ГК РФ, договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. При этом согласно п. 2 ст. 430 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица.

Учитывая, что адвокат Т. не получил согласие Кр. на расторжение соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в его интересах, указанное соглашение, во всяком случае, не могло быть расторгнуто по инициативе адвоката в одностороннем порядке еще и по этой причине.

В результате дисциплинарного разбирательства не установлено и наличие прочих условий, необходимых для расторжения соглашения об оказании юридической помощи по инициативе адвоката, предусмотренных Разъяснением Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 06 декабря 2022 года по вопросам применения пункта 2 статьи 13 Кодекса профессиональной этики адвоката (утверждено решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 декабря 2022 года).

При этом адвокат Т., являющийся профессиональным участником правоотношений с доверителем, не мог не знать, что по общему правилу расторжение соглашения об оказании юридической помощи ликвидирует само основание участия адвоката в уголовном судопроизводстве в силу общего правила о последствиях расторжения гражданско-правового договора, установленного п. 2 ст. 453 ГК РФ.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что, подав 18 апреля 2024 года в ... городской суд ... ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела в отношении подсудимого Кр. уведомления от 09 апреля 2024 года об отказе от исполнения соглашения возмездного оказания юридических услуг от 13 сентября 2023 года, в котором сообщалось о расторжении данного соглашения в одностороннем порядке, адвокат Т. фактически отказался от принятой на себя защиты Кр.

В результате указанных действий адвоката Т. 19 апреля 2024 года подсудимому Кр. судом в порядке, установленном ст. 50, 51 УПК РФ, был назначен защитник – адвокат С., после чего с его участием был продлен срок содержания Кр. под стражей в порядке, предусмотренном ст. 255 УПК РФ.

Совет в этой связи подчеркивает, что и БФ., заключивший с адвокатом Т. соглашение об оказании юридической помощи, и Кр., являвшийся получателем этой помощи, были вправе рассчитывать на исполнение адвокатом Т. поручения в полном объеме, а потому вправе предъявлять к нему претензии в связи с самоустранением от исполнения принятого поручения об оказании юридической помощи в виде защиты по уголовному делу.

Ссылки адвоката Т. на возникновение у него с БФ. конфликта, связанного с оказанием юридической помощи по другим делам, не влияет на оценку его профессионального поведения, результатом которого явилось оставление подсудимого Кр., даже не являвшегося участником предполагаемого конфликта, без защиты вопреки его воле. При этом, как описано выше, адвокат Т. получил от доверителя как вознаграждение за исполнение принятого поручения, так и компенсацию затрат, связанных с его исполнением.

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 6 п. 4 ст. 6, пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 2 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 5, 8, 9, 10, 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителями – БФ. и Кр., выразившемся в том, что приняв не позднее 13 сентября 2023 года поручение на осуществление защиты Кр., адвокат Т. вначале самоустранился от осуществления его защиты подсудимого в судебных заседаниях 05, 21 и 25 марта, 01 апреля 2024 года, а с 18 апреля 2024 года отказался от принятой на себя защиты Кр. под предлогом расторжения адвокатом Т. в одностороннем порядке соглашения об оказании юридической помощи, заключенного между адвокатом Т. и БФ. на защиту Кр. в уголовном судопроизводстве.

При этом Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, не усматривает оснований для формулирования самостоятельных выводов по доводам Кр. о нарушении вышеуказанными действиями адвоката Т. положений пп. 1, 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также о необжаловании адвокатом Т. постановления ... городского суда ... от 19 апреля 2024 года о продлении срока содержания О. и Кр. под стражей, поскольку вывод об отказе адвоката Т. от защиты Кр. полностью охватывает указанные претензии Кр.

Не усматривает Совет оснований и для рассмотрения прочих претензий к качеству оказанной адвокатом Т. юридической помощи, изложенных в дополнительной жалобе БФ. от 29 августа 2024 года, поскольку получателем юридической помощи адвоката Т. являлся доверитель Кр., который таких дисциплинарных обвинений не выдвигал. При этом, по смыслу положений ст. 6.1, п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, претензии к качеству юридической помощи, оказанной адвокатом, осуществляющим защиту по соглашению, вправе предъявлять лишь доверитель, являющийся получателем этой помощи. В связи с этим дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

По этому же основанию подлежит прекращению дисциплинарное производство в части доводов заявителя Кв., поскольку она не может рассматриваться ни в качестве доверителя, заключившего с адвокатом Т. соглашение об оказании юридической помощи, ни в качестве доверителя, являющегося получателем юридической помощи. Сведения о ведении Кв. с адвокатом Т. переговоров об осуществлении защиты Кр., отраженные в протоколе опроса Кв. адвокатом Ч. от 29 августа 2024 года, не являются достаточным доказательством достижения адвокатом Т. устной договоренности об оказании юридической помощи именно с Кв. Из материалов дисциплинарного производства следует, что, организацию

оказания юридической помощи Кр. осуществлял БФ., с представителями которого адвокат Т. согласовывал предмет принимаемого поручения, размер и порядок выплаты ему вознаграждения. Кроме того, именно директору БФ.В. адвокат Т. адресовал описанное выше уведомление от 09 апреля 2024 года об отказе от исполнения «соглашения возмездного оказания юридических услуг» от 13 сентября 2023 года. Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о том, что Кв. доверителем адвоката Т. не являлась, а потому в части ее доводов настоящее дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Требование об обязанности адвоката Т. возвратить выплаченные ему денежные средства в размере 500 000 рублей также не может быть рассмотрено в настоящем дисциплинарном производстве. Споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации не подведомственны, поскольку находятся за пределами их компетенции. В случае возникновения разногласий относительно размера вознаграждения все спорные вопросы между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Т. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный, тяжкий и злостный характер, сопряженный с явным и грубым игнорированием адвокатом обязательных и основополагающих профессиональных требований как по оформлению правоотношений с доверителем, так и по осуществлению защиты по уголовному делу. Игнорирование адвокатом императивного нормативного запрета о невозможности отказа от принятой на себя защиты доверителя по уголовному делу наносит существенный вред как его правам и интересам, так и авторитету адвокатуры, и ни при каких обстоятельствах не может быть допустимым в силу явной несовместимости такого профессионального поведения со статусом адвоката.

Совет учитывает стаж работы адвоката Т., отсутствие у него предыдущих дисциплинарных взысканий и признание им допущенных нарушений при завершении дисциплинарного разбирательства.

Однако совокупность достоверно установленных и описанных выше обстоятельств, характеризующих профессиональное поведение адвоката Т., убедительно показывает, что он не обладает необходимыми для осуществления адвокатской деятельности профессиональными и этическими качествами, а при осуществлении профессиональной деятельности преследует ненадлежащие цели, не соответствующие назначению адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Т. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не усматривает

оснований для применения к адвокату Т. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу требования справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что оставление Т. в составе адвокатского сообщества могло бы дать основание полагать, что совершенные им грубые нарушения профессиональных правил совместимы со статусом адвоката.

В соответствии с пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Т. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена, Совет, с учетом тяжести нарушений и всей совокупности установленных обстоятельств, включая данные о личности Т., считает необходимым установить этот срок в 2 (два) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, п. 4-5, пп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, пп. 1, 8 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Т. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

1) ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 1, 2, 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем – БФ (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой

гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением), выразившееся в том, что он:

приняв не позднее 13 сентября 2023 года на основании устной договоренности с представителями БФ. поручение на осуществление защиты Кр. в судах первой и апелляционной инстанций по уголовному делу № ... (...) в отношении О. и Кр., находящемуся в производстве ... городского суда ..., 20 октября 2023 года вступил в данное уголовное дело и осуществлял защиту Кр. без заключения письменного соглашения об оказании юридической помощи вплоть фактического прекращения ее осуществления 18 апреля 2024 года;

получив от доверителя БФ. вознаграждение в размере 198 408 рублей за осуществление защиты Кр. в судах первой и апелляционной инстанций по уголовному делу № ... (...) в отношении О. и Кр., находящемуся в производстве ... городского суда ..., в форме совершения 26 сентября 2023 года в интересах адвоката Т. обязательного отчисления за первый месяц членства в Адвокатской палате города Москвы на общие нужды Адвокатской палаты города Москвы, не внес полученное вознаграждение в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовый документ по проведению операций с его денежными средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) неисполнение, вопреки предписаниям пп. 6 п. 4 ст. 6, пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12, п. 2 ст. 13, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; участвуя в судопроизводстве ... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства ..., следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении; адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции) во взаимосвязи с п. 5, 8, 9, 10, 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, профессиональных обязанностей перед доверителями – БФ. и Кр., выразившееся в том, что, приняв не позднее 13 сентября 2023 года поручение на осуществление защиты Кр. в судах первой и апелляционной

инстанций по уголовному делу № ... (...) в отношении О. и Кр., находящемуся в производстве ... городского суда ..., он:

самоустранился от осуществления защиты подсудимого Кр. в судебных заседаниях ... городского суда ... по уголовному делу № ..., состоявшихся 05, 21 и 25 марта, 01 апреля 2024 года;

с 18 апреля 2024 года отказался от принятой на себя защиты подсудимого Кр. по уголовному делу № ..., находящемуся в производстве ... городского суда ..., под предлогом расторжения адвокатом Т. в одностороннем порядке соглашения об оказании юридической помощи, заключенного между адвокатом Т. и БФ. на защиту Кр. в уголовном судопроизводстве.

Установить срок, по истечении которого Т. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 2 (два) года.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т. по жалобам Кр. и Кв. от 17 мая 2024 года (вх. № ...), БФ. от 13 августа 2024 года (вх. № ...) и от 29 августа 2024 года (вх. № ...), в части доводов заявителя Кв. и в части доводов БФ. об оказании адвокатом Т. неквалифицированной юридической помощи Кр. – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков